
МОНИКА
Берг
ПРИГОТОВЛЮ ТЕБЯ
НА УЖИН,
падчерица
18+

Моника Берг

Приготовлю тебя на ужин, падчерица

«Автор»
2026

Берг М.

Приготовлю тебя на ужин, падчерица / М. Берг — «Автор», 2026

Он встретил её на вокзале с букетом розмарина и поставил в доме свои правила: не опаздывать к столу, не перебивать, не трогать нож до того, как он сядет. Дамир Воронцов — шеф «Пламени и Соли», человек с руками в ожогах и стальными часами на запястье, муж её матери. Ева вернулась в Москву, чтобы работать в его кухне, и очень быстро поняла: её там не кормят — её готовят. Медленно, на слабом огне, с солью и без права уйти из-за стола.

© Берг М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Розмарин, вокзал и чужие правила 5
Глава 2. Два часа ночи, манитоба и мука на щеке 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Моника Берг
Приготовлю тебя на ужин, падчерица

Глава 1. Розмарин, вокзал и чужие правила

Поезд из Петербурга пришёл с опозданием на сорок минут, и за это время Ева успела трижды пожалеть, что вообще села в него.

Мать звонила из Милана, из примерочной, забитой зеркалами:

— Милая, Дамир тебя встретит, он уже выехал. Только не спорь с ним на вокзале, ладно? Он не любит суету. И, Ева, — она понизила голос, — он правда ждал тебя. Он вчера ночью делал какую-то заготовку и сказал, что это «к её приезду». Не будь букой.

— Я не бука.

— Ты Корсакова. Вы все буки.

Ева вышла на перрон, сняла с полки чемодан и чемодан с инструментом — ножи в чехле, весы, кондитерские насадки, — и пошла к выходу, на ходу поправляя лямку. Двадцать два года, диплом петербургского кулинарного техникума с отличием, четыре года практики в кондитерской на Садовой и один сломанный роман с человеком, который считал её хобби милым.

Москва была серой, мартовской, с мокрым снегом на асфальте. У выхода из вокзала стоял он.

Дамир Воронцов, сорок один год, в чёрном пальто и тонком сером свитере под ним, с букетом — не цветов: розмарин, связанный в пучок бечёвкой, с ветками тимьяна. В правой руке — стальные часы, «Омега», с металлическим браслетом, который он не снимал никогда, даже на кухне, что для повара было почти кощунством.

— Здравствуй, — сказал он и, не улыбнувшись, забрал у неё чемодан. — Розмарин положи в карман, он тебя в машине от дороги отобьёт.

— Здравствуйте.

— Дамир.

— Дамир, — повторила Ева, хотя за три года брака матери так и не привыкла.

В машине он включил печку, но не музыку. Розмарин действительно пах — резко, смолисто, — и от этого запаха у неё почему-то запершило в горле.

— Мама сказала, ты год работала у Гнездилова, — произнёс он, глядя на дорогу.

— Полтора.

— И что он тебе дал?

— Технологию. И руки.

— Гнездилов даёт технологию и руки, — согласился Дамир. — А вкус?

— Вкус я не у него брала.

Он коротко посмотрел на неё, потом снова на дорогу, и Ева не поняла, понравилось ему или нет.

Дом стоял в переулке за Чистыми прудами — бывший доходный, с лепными потолками и чугунной лестницей, три этажа, внизу — огромная кухня, выходящая в стеклянный двор. Мать с Дамиром купили его три года назад и вычистили: ни одной вещи из прошлого, всё белое, чёрное, медное и деревянное.

— Твоя комната на втором этаже, — сказал он, поднимаясь с чемоданом. — Первое правило: к семи утра кухня должна быть пустой. Второе: если что-то берёшь, ставишь обратно туда же. Третье: за стол садимся вместе, без телефонов.

— А если я не хочу есть в семь?

— Значит, приходишь и сидишь, — он поставил чемодан у двери комнаты. — Есть не обязательно. Сидеть — обязательно.

Ева открыла дверь. Комната была светлой, с большим окном во двор, со свежим бельём и пустой вазой на комоде. На кровати лежал сложенный бумажный пакет.

— Что это?

— Фартук и куртка. Твой размер, — сказал Дамир. — В понедельник выходишь в «Пламя и Соль». Не на кондитерский — на горячий цех, ко мне.

Ева обернулась.

— Я кондитер.

— Я знаю, что ты кондитер. — Он помолчал. — Кондитером ты можешь быть в любом городе. Ты приехала сюда не за этим.

Он ушёл вниз, а она стояла в пустой комнате и смотрела на пакет.

В семь он позвал её стуком по чугунной спинке стула.

За столом было накрыто на двоих: тарелки, приборы, графин с водой. В центре — тяжёлая чугунная сковорода, ещё горячая, с розмарином и чесноком, и в ней — куски рыбы с обугленной с одного бока кожей.

— Садись, — сказал он.

Ева села. Он подал ей первой, потом себе, потом поставил сковороду на деревянную подставку и, наконец, сел сам.

— Что это?

— Сибас. Поймали вчера.

— Поймали или привезли?

— Привезли, — Дамир усмехнулся в тарелку. — Но поймали.

Рыба была идеальной. Кожа хрустела, мясо расходилось слоями, соль была ровной и точной. Ева съела половину, прежде чем поняла, что ест слишком быстро, и заставила себя положить вилку.

Он смотрел на неё поверх своей тарелки.

— Скажи, что не так.

— Всё так.

— Врёшь.

— Соль на кожице слишком крупная, — сказала Ева. — Она не успела разойтись.

Дамир помолчал, потом кивнул.

— Верно. Крупная. — Он отрезал себе кусок. — Ел бы и так, но верно. Хорошо.

И это «хорошо» подействовало на неё сильнее любой похвалы за четыре года.

Потом они мыли посуду вдвоём, и он отобрал у неё сковороду, чтобы вымыть самому — чугун не терпит чужих рук. Ева вытирала тарелки и краем глаза смотрела на его предплечья, на белые полосы ожогов, на браслет часов, заляпанный водой.

— Почему ты их не снимаешь? — спросила она. — Часы. Повара снимают.

— Привычка.

— Плохая.

— Может быть. — Он поставил сковороду на сушилку и вытер руки. — Спокойной ночи, Ева. В семь утра кухня пустая.

Глава 2. Два часа ночи, манитоба и мука на щеке

Она не спала. Лежала в чужой комнате, слушала, как в трубах шумит вода, и думала о том, что мать вернётся только через две недели, а она уже сейчас чувствует себя в этом доме чужой и лишней.

В час ночи внизу глухо стукнуло. Потом ещё раз — ритмично, размеренно.

Ева натянула свитер на пижаму и спустилась.

В кухне горел один ряд ламп над рабочим столом, и Дамир стоял в фартуке, поверх майки, руками в большой деревянной деже. Тесто было светлым, тугим, он его складывал и прихлопывал, разворачивал, снова складывал. На столе стоял мешок муки с надписью «манитоба» и электронные весы.

— Не спится? — спросил он, не поднимая головы.

— Что это?

— Хлеб. — Он отвалил тесто на стол, подсыпал муки, начал подтягивать края к центру. — Сильная мука. Тринадцать с половиной процентов белка. Из неё получается корка, за которую люди платят, а не та подошва, что из обычной.

— В два часа ночи?

— Хлебу всё равно, который час. — Он посмотрел на неё. — Иди сюда.

Ева подошла. Он кивнул на тесто.

— Руки мокрые сделай. И вставай рядом.

Она вымыла руки и встала. Он подвинулся, освобождая место у стола, и вдруг взял её ладони и положил на тесто — свои сверху.

— Не дави. Тесто не любит, когда его душат. — Его пальцы накрыли её и повели — подтянуть, повернуть, прихлопнуть. — Снизу вверх. Всегда снизу вверх. Оно должно чувствовать, что его держат, а не бьют.

Ладони у него были горячие и шершавые. Браслет часов холодно лёг ей на запястье, когда он поправил её руку, и Ева дёрнулась.

— Холодно?

— Немного.

— Привыкнешь.

Они работали молча. Он не отпускал её рук, ведя их в этом ровном, тяжёлом ритме, и постепенно Ева начала чувствовать тесто под пальцами — упругое сопротивление, отклик, — и от этого в груди поднималось что-то горячее и глупое.

— Хватит, — сказал он наконец и убрал руки. — В дежу. Накрой полотенцем.

Ева переложила тесто, накрыла, и когда обернулась, он стоял очень близко.

На его щеке была мука. И у неё, наверное, тоже — он смотрел на неё и молчал дольше, чем требовалось.

— Ты в муке, — сказала Ева.

— Знаю. — Он поднял руку и провёл большим пальцем по её скуле, стирая. — Ты тоже.

И не убрал руку. Пальцы остались у неё на скуле, потом сместились, легли на подбородок и приподняли.

— Ева.

— Да.

— Скажи «нет», если что. Сейчас самое время.

Она не сказала. Он наклонился и поцеловал её — медленно, очень осторожно, будто пробуя на вкус и боясь пересолить. Губы у него были сухие и тёплые, и от него пахло мукой, дрожжами и чем-то ещё, глубже, — кожей и солью.

Ева подняла руки и взялась за тесёмки его фартука — просто чтобы было за что держаться.

Он углубил поцелуй и прижал её к столу, и она почувствовала, как он твёрд через фартук и тонкие штаны, и тихо ахнула ему в рот. Дамир выдохнул и отстранился на сантиметр.

— Три года, — сказал он хрипло.

— Что три года?

— Три года я на тебя смотрю по фотографиям и не знаю, куда себя девать. — Он упёрся лбом ей в лоб. — И вот ты стоишь у моего стола в два часа ночи.

— Я стояла тут и до поцелуя.

— До поцелуя это было проще.

Он снова её поцеловал — уже не пробуя, а уверенно, — и его ладонь легла ей на бедро под свитером, на голую кожу над резинкой пижамных штанов. Ева подалась вперёд, сама, и он застонал сквозь зубы.

— Мама, — выговорила она между поцелуями. — Что мы скажем маме?

— Утром, — сказал Дамир. — Всё утром. — И потянул вверх её свитер.

Под свитером была только майка. Он стянул и её, и Ева осталась стоять по пояс голая в холодной кухне, под одной лампой, и смотреть, как он смотрит.

— Господи, — тихо сказал он. — Вот так, значит.

Он взял её грудь в ладонь — осторожно, будто взвешивая на тех самых весах, — и большим пальцем провёл по соску. Ева вздрогнула и вцепилась ему в плечо. Мука с его пальцев осталась у неё на коже белыми полосами.

— Всё в муке, — прошептала она.

— Отмоем.

Он наклонился и взял сосок в рот, и Ева запрокинула голову и уронила ладонь ему на затылок. Он сосал неспешно, прикусывая, а второй рукой забрался ей в штаны — сразу под резинку, без предисловий, — и Ева охнула и развела ноги, насколько позволяли штаны.

— Сними, — сказал он.

Она стянула пижамные штаны вместе с бельём и осталась голая, прижатая к рабочему столу, в двух шагах от дежи с тестом.

Дамир опустился перед ней на корточки. Он не стал тянуть — просто поднял её ногу себе на плечо, как поднимал бы на разделочную доску, и поцеловал.

— Ах, — только и смогла Ева, хватаясь за край стола.

Язык у него был точный, как и всё, что он делал руками: ровные движения, чуть давления, ритм. Ни одного лишнего. Ева услышала, как сама начинает всхлипывать, и прикусила губу.

— Не сдерживайся, — сказал он, поднимая голову. — Ночью дом пустой.

— Соседи.

— Толстые стены. — И снова наклонился.

Ева кончила быстро, почти отчаянно, выгнувшись над столом, и он придержал её за бедро, не давая съехать, пока она не затихла.

Потом выпрямился, вытер рот тыльной стороной руки — и в этом жесте было столько бытовой обыденности, что Ева засмеялась.

— Что? — спросил он.

— Ты вытираешься как после дегустации.

— Так и есть. — Он шагнул к ней, взял за талию и посадил на стол, прямо в муку. — Теперь ты.

Она потянулась к его ремню, но он перехватил её руку.

— Потом. Снача

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.